

Ю. П. БАРТЕНЕВ

Памяти Николая Федоровича Федорова

15 декабря 1903 года в глубокой старости окончил свой жизненный подвиг Николай Федорович Федоров.

Трудно первое время взвесить всю тяжесть этой утраты.

Погас великий, многосторонне образованный ум, перестало биться редкой нравственной чистоты и благородства сердце, замолкли пророческие уста, полные животворных слов...

Неужели смерть общий удел всего живого, и людям предстоит искать забвения неизбежного конца в заботах и наслаждениях житейских, или смиренно подготавливаться к потустороннему бытию? Неужели земля всегда будет юдолюю горя и страданий, а люди останутся во вражде и розни?

На эти мучительные вопросы нашел Николай Федорович ясные и определенные ответы и всю свою жизнь *во всей ее полноте* посвятил проповеди своего высокого ученья. Как пророк, призывал он к великому общечеловеческому делу и как светоч ярко горел, широко освещая кругом себя темную ночь себялюбия, нерадения и невежества.

Многочисленному кругу лиц, занимающихся книжно, Николай Федорович памятен по каталожной комнате Румянцевского музея.

Трудно забыть этого старика в потертом, а порою в разорванном сюртуке с длинными седыми волосами, удивительными глазами и ясною улыбкою и с необыкновенными разносторонними знаниями. Память и начитанность его были изумительны, многие ученые обязаны ему за его указания, и скромная каталожная Румянцевского музея долгие годы была какою-то лабораториею мысли, служила умственным центром Москвы, куда тянулись люди, имена которых широко прославлены.

Было 3 часа, Музей запирался; но Н<иколай> Ф<едорович> оставался еще час-другой, за что платил сторожам особо из своих крох (от большего жалованья он с гневом всегда отказывался). Эти *сверхурочные добровольные* занятия он особенно любил. В это время еще завлекательнее были его беседы, и перед изумленным слушателем открывались новые широкие горизонты.

Вернувшись в свою каморку, Н<иколай> Ф<едорович> обедал чем попало, по большей части только пил чай с хлебом, ложился спать на голом сундуке часа на 1^{1/2}, затем читал и писал до 3–4 ч. ночи, опять засыпал часа на два и, напившись чаю, часов в 7–8 шел в Музей. И такую жизнь вел он десятки лет.

Замечательно, что он не только не считал себя аскетом, но даже сердился, когда ему об этом говорили.

Но откуда же брал силы этот великий подвижник?

Мать, у которой опасно болен ребенок, забывает о еде, о всем, что не касается любимого существа, и проявляет непостижимую силу: в таком состоянии прожил и Н<иколай> Ф<едорович> *всю свою жизнь*. Для своего дела он забывал все, что привлекает нас.

Причина страданий и смерти всего живого, учил Н<иколай> Ф<едорович>, лежит в том, что сознательные существа находятся под властью бездушных, стихийных сил природы. Овладеть ими мы сумеем лишь тогда, когда все вместе примемся за их живое изучение, когда опыты будут производиться не кое-кем, кое-где, кое-когда, а всеми, везде и всегда. Овладев эту слепую силу, несущую голод, болезни и смерть, обратят ее в живоносную. Но остановиться на этом нельзя. Учение о развитии, приводящем человечество к светлому безболезненному существованию, Н<иколай> Ф<едорович> называл безнравственной, бесчестною теорией: такое счастье будет куплено ценою гибели предков, а забвение сынами своих отцев есть худшее зло. И вот просветленное человечество, полное благодарности к тем, кому оно обязано жизнью (ибо жизнь есть благо), должно в свою очередь вернуть к жизни почивших отцев. Единственное общечеловеческое дело — *воскресение мертвых*, в этом долг сынов, исполнение воли Господа, давшего нам власть сынами Божьими быти. Не *даровое* воскресение, а воскресение трудовое совокупными усилиями всех живущих всех прежде почивших.

Пророком этого великого дела и был Н<иколай> Ф<едорович>. Всю свою жизнь он призывал к нему людей. Уже слабеющими устами повторял он свои формулы, и близкая смерть страшила его лишь тем, что пропадет, заглохнет его дело. Нет, не заглохнет оно. Перед человечеством лежат два пути: или окончательно забыть нравственный долг и опьяняться чувственностью, или пойти, по призыву Н<иколая> Ф<едоровича>, всем миром делать дело Христово.

Христос воскресе, незабвенный учитель! Верю и уповаю!

Юрий Бартнев.

17-го декабря 1903 года

